

К. Кескитало, К. Сандстром, М. Тысячнюк, Й. Йоханссон

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В ЛОКАЛЬНОСТЯХ: РАЗЛИЧИЯ В ПРИМЕНЕНИИ ЛЕСНОЙ СЕРТИФИКАЦИИ В ШВЕЦИИ, ФИНЛЯНДИИ И НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В статье дан сравнительный анализ применения норм различных схем лесной сертификации в Швеции (FSC, PEFC), Финляндии (PEFC) и России (FSC). Благодаря сертификации во всех трех странах удалось институализировать новые нормы в области экологизации лесопользования и социальных прав. В Финляндии и Швеции нормы в области социальных прав в основном распространялись на права коренных народов, тогда как в России — на местные сообщества. Распространение более «мягкой» сертификационной системы PEFC в Финляндии и отчасти в Швеции объяснялось тем, что задачи малого лесного бизнеса вступали в противоречие с более строгими требованиями сертификация FSC в отношении экологических прав и социальных прав коренных народов. В России сертификация сыграла особенно значительную роль в поддержке правоприменения в тех областях, где существующие законы и нормы не реализовывались.

Ключевые слова: *лесная сертификация, права местного населения, права коренных народов, права работников.*

Key words: *forest certification, rights of local communities, indigenous people rights, workers rights.*

* Работа была выполнена в рамках программы «Развитие междисциплинарной исследовательской сети по изучению многоакторного, многоуровневого управления лесами в России и Швеции», поддержанной Академией наук Швеции.

Введение

По мере углубления процесса интернационализации возрастает важность и определяющая роль международных норм для национального и даже локального уровня (Taggaw 1999). Институализация норм, определяющих экологические права местного населения и права коренных народов, привела к тому, что они стали играть большую роль в легитимации деятельности корпораций (Ochoa 2003).

Лесная сертификация, дающая рыночные преимущества корпорациям, ставшим на путь устойчивого развития, определяется как «негосударственное продвигаемое рынком» регулирование, или управление, которое не требует государственного законодательного закрепления (Wood 2004; Cashore 2002). Лесная сертификация начала развиваться с 1990-х гг. как рыночный процесс, с помощью которого экологические и социальные критерии производства древесины оцениваются независимыми экспертами на право присвоения продукции логотипа лесной сертификации. Сертификация рассматривается как рыночный бонус и сигнал об экологической и социальной ответственности фирмы. В мире существует несколько конкурирующих между собою систем лесной сертификации, среди которых есть как международные, так и национальные системы.

В данной статье мы будем рассматривать две из них, которые используются в изучаемых странах. Наиболее строгая инициированная неправительственными организациями (НПО) система сертификации Лесного попечительского совета (Forest Stewardship Council [FSC]) не очень приспособлена для участия в ней мелких собственников леса. Вторая система, которую мы рассмотрим, — сертификация PEFC — Программа Поддержки Лесной Сертификации (Programme for the Endorsement of Forest Certification [PEFC]), ранее известная под именем Пан-Европейской Лесной сертификации, представляет собой национальную систему сертификации, которую необходимо аккредитовать на международном уровне. Она подвергалась критике со стороны НПО за ее ограниченные социальные и экологические критерии, но считается более приспособленной для нужд мелкого лесовладельца. Сертификационная система FSC быстро распространилась по всей Швеции, несмотря на то что с ней конкурировала программа PEFC. Она также стала доминирующей в России, в то время как Финляндия приняла систему PEFC, аккредитовав Финскую Схему Лесной Сертификации (Finnish Forest Certification Scheme [FFCS]).

Предметом исследования в настоящей работе является применение международных норм экологических прав и прав коренных народов на региональном и локальном уровне в различных кейсах в различных странах в соответствии с требованиями стандартов FSC и PEFC. В статье исследуются кейсы из северной Швеции, северной Финляндии и северо-западно-

го региона России, а именно — особый случай сертификации по системе FSC, который включает в себя смешанные формы сертификации (Швеция), случай сертификации по системе PEFC (Финляндия), и случай сертификации FSC (Россия).

В статье мы утверждаем два момента: 1) важность сертификации состоит скорее в том, что она играет роль «сигнала» о следовании экологическим нормам и соблюдении прав коренных народов, а не в том, что она дает рыночные преимущества, которые являются довольно ограниченными, и 2) в локальностях экологические нормы и нормы по соблюдению прав коренных народов применяются очень по-разному, часто больше обсуждаются, чем применяются на деле, и результат сертификации здесь сильно зависит от конкретного институционального контекста конкретной местности. Вследствие этого роль сертификации как средства нового негосударственного лесного управления в развитии долгосрочных изменений и социализации норм оказывается ограниченной. Вопрос о том, можно ли рассматривать сертификацию как средство повышения локальной адаптивности, неоднозначен, так как сертификация может иметь совершенно разные результаты и уровни воздействия в различных странах, в зависимости от действующей в них институциональной структуры. Под локальной адаптивностью мы тут понимаем общую институциональную и законодательную рамку, доступную для акторов и определяющую их социальную уязвимость (Smit and Wandel 2006). Таким образом, в статье будет рассматриваться, насколько нормы сертификации в обозначенных выше областях укрепляют или уменьшают адаптивную способность в различных странах и различных локальных контекстах, к примеру, компенсируя ограничения государственного лесного законодательства в институциональном контексте.

Сертификация как международная норма

Сертификацию обычно рассматривают как пример «нового негосударственного управления» (Eberlein and Newman 2008), способствующего созданию экономических, экологических и социальных критериев для устойчивой лесохозяйственной деятельности. В основу лесной сертификации легли 10 принципов Международной Лесной конвенции, которую не удалось принять на Саммите Земли в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В качестве одного из механизмов рыночной системы лесная сертификация быстро распространяется по всему миру и создает нишу экологически чувствительного рынка, где оперируют компании, вставшие на путь устойчивого лесопользования. Изначально сертификация разрабатывалась преимущественно экологическими НПО, однако система, которой последние отда-

вали предпочтение (FSC), стала тесниться более бизнес-направленными альтернативами (чаще всего PEFC). Так происходило во многих регионах, правда, Швеция составляет заметное исключение. В настоящее время в Швеции находится одна пятая всех лесов мира, сертифицированных по системе FSC. Недавно проведенные исследования также обращают внимание на то, что, хотя механизмом мотивации для участия в лесной сертификации обычно являются рыночные преимущества, которые она якобы обеспечивает, но функция «сигнала» о социальной и экологической ответственности, в том числе, для тех же НПО, является более выраженной, чем ценовые выгоды сертификации (Gulbrandsen 2006; Overdevest and Rickenbach 2006). То есть компании идут на сертификацию большей частью для того, чтобы закрепить за собой право считаться экологически и социально ответственной. Побудительным моментом для этого являются не столько высокие этические идеалы, сколько опасения, что ее заклеймят как «отвергающую» необходимость отвечать социальным ожиданиям и следовать стандартам «правильного поведения» бизнес акторов (Finnemore and Sikkink 1998; Duffield 2002). Финемор и Сиккинк (1998) подчеркивают, что норму можно рассматривать как правило, разрабатывающееся на международном уровне при возникновении актуальной проблемы, требующей решения. Нормы разрабатываются «инициаторами норм» (norm entrepreneurs) и предлагаются государствам как универсальные общечеловеческие правила и практики. Если достаточное количество стран принимают новую норму, достигается «критическая точка», после которой норма принимается и остальными государствами, в ответ на международное давление — даже в случаях, когда внутри страны не существует коалиции, лоббирующей принятие данной нормы, и это происходит в темпе нарастания «снежного кома». Такое часто происходит как реакция на «приковывание к позорному столбу», которое стимулирует «отщепенцев» скорее признать новую норму. Итернационализация нормы приводит к тому, что в результате она может быть формализована в виде закона и рассматриваться как данность даже в тех странах, которые ранее ее игнорировали (Finnemore and Sikkink 1998; Gulbrandsen 2006). Достигнет ли процесс принятия нормы стадии «снежного кома», зависит от того, насколько широко ее удастся распространить, от тех, кто ее принимает, от того, насколько она согласуется с существующими в обществе представлениями и другими нормами, а также от того, предлагает ли норма какое-то решение уже назревшим проблемам (Finnemore and Sikkink 1998). Хотя национальный уровень этих процессов обсуждался в меньшей степени, предполагалось, что принятие нормы в международных сетях приведет к появлению национальных акторов и к созданию сетей, пропагандирующих эти нормы которые, в конечном итоге, превратят их в часть культуры общества своей страны (Marsh and Payne 2007). Однако также отмечалось, что воздействие

международных норм не происходит автоматически, и предполагалось, что они применяются по-разному в различных контекстах. Нормы должны рассматриваться как то, что становится релевантным благодаря деятельности различных акторов по приведению их в соответствие с контекстом, национальной политикой, материальными интересами акторов конкретной страны, политическими институтами страны. При этом важен фрейминг нормы, который приводит к ее социализации (Cotell and Davis 2000; Gurowitz 1999).

Исследователи корпоративной социальной ответственности и корпоративной саморегуляции обращают внимание на факторы, сходные с процессами «публичного обличения», с помощью которых нормы сначала институционализируются на международном уровне, а затем принимаются отдельными корпорациями. К примеру, развитие саморегуляции в бизнесе может происходить через создание этических кодексов для определенной отрасли, набора принципов и практик устойчивого развития (Gunningham and Rees 1997). Так, к примеру, экологические проблемы: химическое загрязнение, экологическое чрезвычайное происшествие — могут привести к пересмотру корпоративной политики в сторону ее экологизации многими предприятиями для обеспечения кредита легитимности промышленной деятельности. Эта ответственность впоследствии институализируется, к примеру, в виде кодекса корпоративного поведения (Gunningham and Rees 1997).

Что касается лесной сертификации, Галбрандсен (2005) также отмечал, что ряд глобальных и действующих внутри страны факторов, подобных тем, которые оказывают воздействие на принятие норм внутри страны, о которых говорилось выше, — влияют на выбор и применение систем лесной сертификации. Имеются в виду: поддержка государственных структур, общественная поддержка через НПО и гражданские инициативы, давление цепей поставки (со стороны потребителей), структур лесной промышленности (Gulbrandsen 2005). В сертификации сильными акторами являются международные НПО и конечные потребители лесной продукции, определяющие рыночный спрос, на который реагирует лесная промышленность, государство. В этой работе высказывается предположение, однако, что даже если государственные и прочие структуры благоприятствуют принятию нормы, ее реальная институализация и социализация могут быть ограничены. Препятствием в этом деле часто служат расхождения между нормами, пришедшими с международных уровней, и позицией, которую займут представители лесного сектора на местах, так как именно через них идет процесс сертификации в локальностях. Исследования обнаружили заметное расхождение в ценностях и интересах лесной промышленности и экологов, так как владельцев лесов и лесопромышленников в первую очередь интересует жизнеспособность местной экономики (Tik-

kanen et al. 2003; Rantala and Primmer 2003) и доступность сертификационных схем по цене и легитимности (Gulbrandsen 2004). Ситуация, описанная выше, также определялась как случай «несоответствия шкал», где политика и процесс управления разнесены на два различных уровня — международный уровень, на котором, к примеру, устанавливаются экологические стандарты, и локальный, на котором они адаптируются и применяются, и существует ограниченное количество связей между этими двумя аренами. Международные стандарты и соглашения обычно уделяют больше внимания функциям экосистем и задачам сохранения лесов, чем местным сообществам и их социо-экономическим задачам. Хотя экологические цели и стандарты входят в интересы местных сообществ в долгосрочной перспективе, они могут не совпадать с сиюминутными нуждами местного сообщества, с конкретными задачами, которые люди, зависящие от ресурсов, должны решать ежедневно в своей обыденной жизни. Очевидным риском в этой ситуации, когда местный уровень является лишь исполнительной частью процесса и почти не имеет возможности влияния на экологическую политику, является ограничение процесса социализации и отсутствие возможности долговременного контроля за выполнением норм лесной сертификации.

Методология и выбор кейсов

Чтобы представить различные варианты применения сертификации, для исследования были выбраны три страны: Финляндия, Россия и Швеция. В России применяется сертификационная система FSC, традиционно считающаяся самой строгой из существующих, в Финляндии — менее строгая система PEFC. В Швеции применяются обе, причем сертификация FSC лидирует по сертифицированным площадям, а система PEFC отдает предпочтение малый лесной бизнес, т.е. можно сказать, что в Швеции существует смешанная система сертификации.

Для исследования локального уровня были взяты кейсы многоцелевого лесопользования в зонах бореальных лесов, где имеются леса высокой природоохранной ценности (ЛВПЦ): в Северной Швеции и на Северо-Западе России. В Финляндии и Швеции исследования проводились в 2003—2005 гг., и структурировались они таким образом, чтобы охватить локальный и региональный уровни, включали в себя анализ крупных и мелких предприятий, изучали лесопользование в местных сообществах. В работе проанализированы кейсы, в которых промышленное пользование лесами конкурирует с традиционным — с оленеводством на севере Швеции и Финляндии. Это позволяет увидеть изнутри проблему прав коренных народов, затрагиваемых сертификационными нормами. Таким образом, в исследо-

ваниях внимание фокусируется на воздействии сертификации на локальности, через восприятие процесса местным населением и группами коренных народов. Исследования проводились методом полу-структурированных интервью и фокус-групп, и имели различную направленность в различных регионах. Также производился обзор литературы, касающейся процесса институализации сертификации в двух странах и использовались предшествующие работы авторов. В Финляндии изучались кейсы лесной промышленности и оленеводческих хозяйств в долине реки Кемийоки (N=18), проводились две фокус-группы, где информантов просили идентифицировать факторы, повлиявшие на их жизнь и лесопользование в связи с сертификацией. Шведские кейсы включают интервью с представителями государственных структур лесного сектора, с владельцами сертифицированных (как по системе FSC, так и PEFC) и несертифицированных лесов в долине реки Пайт (N=18), с представителями оленеводческих хозяйств в регионах оленеводства (N=46), интервью с двух фокус-групп и участвующее наблюдение. Предметом изучения этих кейсов было оценить взаимоотношения лесного сектора и оленеводческих хозяйств в данных регионах и воздействие лесной сертификации на эти взаимоотношения, в том числе на процессы консультирования лесного бизнеса с оленеводами. Информанты выбирались с целью представить все заинтересованные стороны — лесопромышленников, оленеводов, администрацию и политиков. Здесь, так же как и в финских кейсах, внимание информантов заострялось на идентификации факторов, повлиявших на их повседневную жизнь.

В случае северо-западного региона России, в статье анализируются кейсы в республиках Карелия, Коми и Архангельской области (N=179) на территориях, сертифицированных по системе FSC. Так как три указанных региона по-разному реагировали на сертификацию, понадобилось большее, чем в других странах, количество интервью. Здесь кроме полу-структурированных интервью также использовалось участвующее наблюдение. Внимание российских исследований концентрируется на развитии и применении сертификации FSC в России. Учитывая, что в России земля находится во владении государства и леса сдаются в аренду преимущественно крупным холдингом с вертикальной структурой, российская часть исследования включает также интервью с представителями местных лесозаготовительных предприятий. Интервью проводились в 2003—2007 гг. Информантами являются представители компаний разного уровня, лесхозов, местной администрации и жители. Целью задаваемых вопросов было оценить социальные и экологические последствия сертификации. В Карелии исследования проводились на территориях, где работают структурные подразделения Северной лесозаготовительной компании (СЛЗК), входящей в крупный международный холдинг Инвестлеспром. В Архангельске исследования проводились на территориях аренды ПЛЮ Онегалес, которая

также относится к Инвестлеспрому. В Республике Коми исследовался случай, где держателем сертификата является Прилузский лесхоз, на территории которого находится 15 мелких и крупных арендаторов.

Таблица 1

Интервью, использованные в исследовании

	Представители лесного сектора*	Лесозаготовительные** и деревоперерабатывающие компании	Местная и региональная администрации	Представители местного населения
Финляндия (N=18)	6	1	5	6
Республика Карелия (N=58)	7	14	6	31
Архангельская область (N=53)	6	12	7	28
Республика Коми (N=68)	6	11	9	42
Швеция*** (N=64)	18	3	6	37

Роль различных акторов в институционализации лесной сертификации

Результаты исследований включают анализ двух аспектов. Первый касается национального уровня с фокусом на идентификации роли различных акторов в процессах сертификации. Здесь имеется в виду роль общественной политики и государственной поддержки, НПО и групп, продвигающих сертификацию, давления конечных потребителей, структур лесного бизнеса (Gulbrandsen 2005) в определении стратегий сертификации в различных странах. Другой аспект касается восприятия воздействия сертификации на повседневную жизнь акторов в локальностях.

* Лесовладельцы и группы заинтересованных лиц, государственные структуры лесного сектора, государственные лесные компании.

** В России также дочерние подразделения компаний.

*** Долина реки Пайт N=18; регионы оленеводческих хозяйств N=46.

Отношение государственной политики и структур государственного лесного сектора к сертификации

Исследование показало, что в целом различия в государственной политике и государственной поддержке не привели к существенным различиям в применении лесной сертификации. Хотя государство не имеет формальной роли в процессе сертификации, во всех трех изучаемых странах оно декларировало ей свою поддержку. В Швеции и Финляндии, хотя стандарты сертификации содержат более строгие социально-экологические требования, чем предусмотрено законодательством этих стран, сертификация может рассматриваться как интегральная часть деятельности государственных структур (Gulbrandsen 2005; Cashore et al. 2007; Boström 2002; Elliott and Schlaepfer 2001). В более сложной федеральной системе Российского государства лесные агентства федерального уровня (рослесхоз) декларируют поддержку сертификации, однако последний Лесной кодекс 2007 г., который окончательно вступил в силу в 2009 г., по-прежнему сохраняет некоторые противоречия требованиям сертификационных стандартов. Эти противоречия в основном касаются общественного участия и вопросов сохранения биоразнообразия. Но если в отношении общественного участия Лесной кодекс просто не предусматривает никаких механизмов, то в вопросах биоразнообразия расхождение было таковым, что выполнение условий сертификационных стандартов могло повлечь наложение штрафов государством. Правда, после ввода Лесного кодекса в действие появилась возможность разрешить этот конфликт в ходе разработки регионами лесных планов. Однако это также означает, что, как и прежде, возможность разрешения конфликта требований национального закона и международного стандарта отдается регионам, а значит, зависит от понимания вопроса региональными властями. В момент проведения исследования (2003–2007 гг.), как мы увидим, поддержка сертификации сильно различалась от региона к региону.

В Республике Коми, где в течение 15 лет работал крупный проект устойчивого лесопользования Модельный лес Прилузье, продвигаемый НПО, стратегическим партнером которого являлись фактически все государственные структуры лесной отрасли, республиканское правительство поддерживает сертификацию. Более того, в данном случае держателем сертификации является государственный лесхоз (после 2008 г. — лесничество). В том, что правительство Республики Коми дало «зеленый свет» сертификации, могут играть роль еще два фактора. Во-первых, то, что Республика Коми находится вдалеке от государственных границ, и, следовательно, сертификация может служить делу привлечения международных партнеров и международной торговли. Во-вторых, то, что экономика республики в меньшей степени, чем в других рассмотренных

кейсах, зависит от лесного сектора и республиканское правительство не рассматривает сертификацию как угрозу сокращения площадей рубок (Tysiachniouk and Reisman 2004; 2005; Тысячнюк 2006; Тулаева 2008a). В Архангельской области благодаря работе офиса WWF и других НПО государством была принята временная инструкция по сохранению биоразнообразия. Это позволило избежать штрафов за сохранение биоразнообразия. В Республике Карелия региональное правительство не оказывало должной поддержки сертификации. Более того, сертифицированные компании постоянно штрафовались государством за сохранение биоразнообразия. Компании во избежание штрафов вынуждены были выделять ключевые биотопы под видом неэксплуатационных зон (Тулаева 2008b). Так продолжалось вплоть до 2008 г., когда после многолетних попыток бизнесу все-таки удалось пролоббировать принятие инструкции по биоразнообразию на республиканском уровне. Долгое противостояние государства международным правилам может отчасти объясняться глубоким конфликтом, возникшим в 1990-е гг. с НПО, организовавшими потребительские бойкоты, вследствие которых иностранные лесопромышленники были вынуждены уйти из региона, а отношения НПО с государственными структурами испортились (Тысячнюк 2009; Тулаева 2008b).

Роль НПО, давление конечных потребителей в цепочке поставок и структуры лесной промышленности

Одной из основных причин возникновения сертификационных систем принято считать роль НПО и давление конечных потребителей, и это широко освещено в литературе (Gulbrandsen 2005; Тысячнюк 2006, 2008). Сертификационные нормы устанавливались часто через процесс публичного обличения, как это обычно происходит с принятием международных норм, хотя в данном случае обличались как компании, так и целые государства (Тысячнюк 2008). Экологические организации, к примеру британские, голландские и германские, участвовали в создании общественного мнения в пользу выработки экологической маркировки для поставщиков лесной продукции. Швеция является крупнейшим экспортером продукции из дерева (пиломатериалов) в Великобританию и поставляет ее только туда. Следует отметить, что Великобритания является наиболее экологически чувствительным рынком благодаря большому количеству покупателей магазинов розничной торговли и решению государства осуществлять государственные закупки только сертифицированной (по системам FSC и PEFC) древесины. Это стало причиной двойного давления на обе страны с целью добиться от них следования тому, что станет нормой для другого государ-

ства, в нашем случае Швеции (cf. McNichol, 1999). Шведские НПО обратили пристальное внимание на практики лесопользования в стране в процессе UNCED в 1992 г., «обличая» Швецию, которая обычно считалась экологически ориентированной страной, а значит, потенциально восприимчивой к нормативной аргументации (Elliot and Schlaepfer 2001). Фонд Дикой Природы (WWF) и Шведское Общество Охраны Природы (Swedish Society for Nature Conservation, SSNC) стали инициаторами процесса сертификации FSC в Швеции наряду со Шведским Союзом саамов и другими (Gulbrandsen 2005). Работая со своими партнерами в тех странах, в которых Швеция является ключевым экспортером на рынке, шведские НПО также оказывали воздействие на покупателей, побуждая их требовать сертифицированную древесину. Здесь они вновь использовали тактику «обличения»: «Эти розничные продавцы не хотели, чтобы НПО клеймили их продукцию как «экологически безответственную» и они рассматривали сертификат как гарантию экологической безопасности как в своих глазах так и в глазах покупателей» (Elliot and Schlaepfer 2001). Со временем, правда, владельцы леса, имеющие небольшие участки и расценивающие требования сертификации FSC как слишком высокие, особенно в том, что касалось прав саамов на традиционное оленеводство, вышли из процесса FSC и создали шведскую схему PEFC. Таким образом, произошел раздел лесного сектора между FSC (для крупных компаний) и PEFC (малый и средний бизнес) (Gulbrandsen 2005).

В Финляндии причиной выбора сертификационного стандарта PEFC можно считать то, что данный стандарт там быстро получил распространение и институализировался. Во многом такое развитие событий объясняется тем, что финские лесовладельцы, скептически отнесшиеся к стандартам, разработанным и продвигавшимся НПО, сумели быстро разработать стандарт PEFC после того, как в 1997 г. экологические НПО вышли из процесса сертификации, изначально ориентированного на систему FSC (Lindström et al. 1999). Одобренная PEFC финская лесная сертификационная схема (FFCS) была запущена в 1999 г. и в течение лишь одного года 95 % всех финских лесов были сертифицированы тринадцатью региональными лесными центрами. Последние подали заявки на сертификацию для своих членов, аргументируя это тем, что сертификация PEFC была оптимальной для финских малых и средних лесопромышленников, которых в Финляндии абсолютное большинство (Greenpeace 2004; Cashore et al. 2007). Экологические НПО критиковали стандарты FFCS за то, что они уделяли слишком малое внимание экологическим вопросам (Финская Лига Природы et al. 2001); однако в результате высокой институализации FFCS финские стандарты FSC, включающие представительство НПО, так и не завоевали сколько-нибудь значительной аудитории на лесном рынке Финляндии (Greenpeace

2004)*. Аргументы мелких лесопромышленников, наряду с фактом зависимости финского рынка от бумажной продукции высокого качества, привели к тому, что сертификационная система FSC была вытеснена альтернативной (Cashore et al. 2007; Owari et al. 2006). Таким образом, факторами, способствовавшими институализации системы PEFC в Финляндии, можно считать аргументы о легитимности данной схемы для лесовладельцев, зависимость рынка от бумажной продукции, раннюю институализацию PEFC и малый процент крупных землевладельцев Финляндии.

В России важная роль экологических НПО, их легитимность среди других акторов и их успехи в институализации своих идей, ценностей и норм были, по всей видимости, главной причиной для выбора сертификации FSC (Тысячнюк 2006; Tysiachniouk and Reisman 2005). Вслед за получившими громкую огласку потребительскими бойкотами в защиту старовозрастных лесов Карелии и Архангельской области при деятельном участии группы НПО «Лесной Клуб», куда среди прочих организаций входила Гринпис, были разработаны карты малонарушенных (старовозрастных) лесов (Tysiachniouk and Reisman 2004; Тысячнюк 2008). Согласуясь с этими картами, лесопромышленники подписывали с НПО в качестве неформальных соглашений добровольные моратории на рубку в старовозрастных лесах (Тысячнюк 2006; Тысячнюк 2008). Инициатором мораториев выступала организация Гринпис, а компании соглашались на моратории, хотя это не только не требовалось российским законодательством, но даже противоречило ему. Они шли на такие меры из опасения новых бойкотов и для выполнения требования сертификационных стандартов. Контекст потребительских бойкотов в Карелии и Архангельской области можно рассматривать как фактор, способствовавший продвижению сертификации FSC в России (Тысячнюк 2008; Тысячнюк и др. 2008), так как лесозаготовительные компании почувствовали, что сертификация защищает их от угрозы бойкотов и обеспечивает стабильность на экологически чувствительных европейских рынках. Факт подписания компаниями добровольных мораториев можно считать свидетельством признания ранее чуждого для России дискурса о старовозрастных лесах и институализации новых норм в охране биоразнообразия. WWF также принял самое деятельное

* Что касается прав коренных народов, критики также отмечают, что FFCS требует лишь установления отношений сотрудничества и не обращают внимания на результаты этих отношений, тогда как проект национальных стандартов FSC требует, чтобы оленеводы в обязательном порядке официально приняли и одобрили планы рубок в регионе; такие планы лесопромышленники могут защитить места, важные для саамской культуры, и FSC требует, чтобы соответствующие планы лесопромышленники были бы одобрены саамским парламентом (Greenpeace 2004).

участие в продвижении сертификации FSC через создание инфраструктуры сертификационных институтов. К ним можно отнести сертификационные центры, региональные рабочие группы сертификации FSC, обучающие и консультационные центры. WWF продвигал идею сертификации через Глобальную сеть лесной торговли (Global Forest and Trade Network, GFDN), создавая группы ответственных производителей в России и связывая их с экологически чувствительными покупателями в Западной Европе. Для продвижения сертификации WWF завязывал стратегические партнерства с бизнесом, к примеру, с корпорацией Икея сотрудничал в деле борьбы с нелегальными рубками и по вопросам организации семинаров для обучения стейкхолдеров. Другой пример — стратегическое партнерство с лесной компанией Стора Энсо для создания модельных лесов. Таким образом, НПО были активными агентами продвижения стандартов FSC в России. Учитывая, что в России государственная собственность на землю и леса в основном находятся в аренде у крупных компаний, мелкие лесопромышленники не являются там силой, как в Швеции и Финляндии.

Воздействие лесной сертификации на местные практики

Выше мы говорили, что роль экологических НПО была жизненно важна в институализации лесной сертификации и НПО даже играли определенную роль в том, какая именно сертификационная система в стране приживется на практике. Мы также упоминали о конфликтах между лесным сектором и экологическими НПО, к примеру в случае с бойкотами, организованными НПО лесным промышленникам в Карелии и Архангельской области, что в дальнейшем повлияло негативно на отношение государственных структур Республики Карелия к сертификации. В случае с Финляндией это привело к тому, что лесовладельцы воздержались от сертификации FSC, что свидетельствовало о несоответствии ценностей у лесовладельцев и экологов (Rantala and Primmer 2003). Описывая свое понимание того, как лесная сертификация повлияла на их жизнь, информанты говорили о взаимоотношениях между социальными и экологическими интересами, объясняли, что именно они понимают под социальными интересами, и отмечали моменты несоответствия сертификационных требований национальному законодательству, к примеру в области экологии. Разница воздействия преобладающих в каждом исследуемом регионе типов сертификации на локальности хорошо прослеживается в интервью с заинтересованными сторонами.

В шведских кейсах мы увидим гораздо более критическое отношение к сертификации, чем в финских. Это показывает, что в случае Швеции налицо более сильное воздействие сертификации FSC на практики лесозаго-

товки и на отношения с местным сообществом и коренными народами. Комментарии по поводу сертификации в Финляндии сравнительно ограничены и в основном рассматривают ее как естественный шаг вперед в области устойчивого лесопользования, оказавший не слишком заметное влияние на местные сообщества и бизнес. В России сертификация оказала заметное воздействие на экологизацию лесопользования, в особенности в деле сохранения старовозрастных лесов, а также внесла вклад в совершенствование охраны труда и развитие процессов консультирования с местными сообществами по вопросам лесопользования.

Экологические вопросы

Воздействие сертификации на решение экологических вопросов лесопользования отмечается во всех регионах. В Финляндии это была та область, на которую прежде всего было обращено внимание сертификации. Однако в Финляндии информанты не чувствовали, что их как-либо затронул сертификационный процесс, они лишь отмечали, что сертификация, видимо, имеет смысл для рыночных отношений. Большее внимание в интервью обращалось на широкое воздействие СМИ на общественное мнение по поводу экологических вопросов на крайнем севере Финляндии. Информанты считали, что раздувание этих вопросов в прессе является проблемой для финской лесной промышленности в целом, так как это накладывает отпечаток на имидж всего северного лесного бизнеса. То, что к данной области люди относятся исключительно как к месту рекреации, также расценивается ими как возможная проблема. К примеру, отмечалось, что Финляндию часто рассматривают как природный заповедник, а не как промышленный регион, и что это может повлиять на уязвимость бизнеса: «Чем дальше <...> (офисы компании) находятся, тем меньше они знают о местных условиях Лапландии. Даже в финской организации, если директором является иностранец, а не финн, он часто думает, что Лапландия это европейский район рекреации, а не лесной промышленности!»*

В Швеции комментарии о сертификации встречаются гораздо чаще, они касаются высоких требований FSC, и народ озабочен тем, что стандарты FSC не имеют верхнего предела для выделения лесов из рубок в целях охраны природы.

Они также считают, что эти нормы нецелесообразны в отношении северных областей Швеции, где уже сейчас имеется много природных заповедников и выделенных типов лесов. В кейсе, касающемся долины реки

* Интервью с менеджером лесов, принадлежащих местному сообществу, Швеция.

Пайт в Швеции, большинство информантов были работниками сертифицированных по системе FSC компаний. Меньшее количество информантов представляли малый бизнес, имеющий сертификат PEFC. Только часть лесов не была сертифицирована, и причиной этого информанты называли слишком высокие нормы FSC в области природоохраны. Они объясняли, что в случае сертификации, им бы пришлось исключить из рубок большую часть своих площадей по причине возрастной структуры лесов. Большинство лесов у них старовозрастные, и им нечего было бы рубить, так как FSC не устанавливает верхнего лимита в своих природоохранных требованиях*. Те же акторы отмечали, что несоответствия между нормативами Лесного Акта и сертификации создали «уловку 22» в лесной отрасли в отношении лесов высокой природоохранной ценности: так как рубки в таких лесах разрешены государственным Лесным Актом, лесовладельцы не смогли бы получить компенсацию за экономические убытки, возникающие при сохранении лесов в связи с сертификацией. Система FSC оценивалась информантами как «система, разработанная для лесов промышленного назначения <...> где нет таких больших площадей охраняемых лесов...»**.

Защита лесов через требования рынка и FSC рассматривалась, однако, как более действенная, так как рыночные силы воспринимаются как менее подверженные воздействию, чем государственное регулирование. Это привело к тому, что люди были недовольны природоохранными мерами за пределами сертификации, к примеру, связанными с созданием природных заповедников: «У нас уже есть сертификация FSC и ISO, чего еще больше может придумать рынок <...> но и этого недостаточно, они еще больше лесов хотят вывести из рубок»***.

В России сертификация FSC продвигала сохранение биоразнообразия в областях, предназначенных к рубке. Россия ратифицировала Конвенцию по биоразнообразию в 1995 г., но не разработала при этом нормативного регулирования для выполнения требований Конвенции в областях коммерческого лесопользования (Тысячнюк 2008 а, б). К тому же Лесной Кодекс с 1997 г. требовал, чтобы на площадях, отведенных к рубке, вырубались все деревья. Это привело к тому, что требования стандартов FSC оставлять ключевые биотопы вошли в противоречие с требованиями национального законодательства, за исполнением которого следят лесхозы (лесничества). Во избежание конфликтов с местными лесными агентства-

* Интервью с менеджером лесов, принадлежащих местному сообществу, Швеция.

** Интервью с менеджером лесов, принадлежащих местному сообществу, Швеция, интервью с менеджером государственной корпорации, Швеция. Интервью с представителем администрации по лесоводству и оленеводству, Швеция.

*** Интервью с представителем лесного холдинга SCA, Швеция.

ми сертифицированные компании шли на уловки и оформляли ключевые биотопы как не эксплуатационные зоны, что не противоречило российскому законодательству.

Как уже упоминалось, сертификация FSC также вынуждала компании сохранять леса высокой природоохранной ценности разного типа и подписывать с НПО добровольные моратории на рубки в старовозрастных лесах. Все опрошенные информанты в Республике Коми смотрели положительно на природоохранные компоненты сертификации, в Архангельской области соотношение отрицательных отзывов к положительным было 5 к 12, а в Карелии — 4 к 10. Те информанты, которые высказывались против природоохранных мер, считали нецелесообразным именно сохранение старовозрастных лесов. Все эти люди были из подразделений лесозаготовительных компаний, они получили образование в советских учебных заведениях и, согласно распространенному в советское время мнению, считали такие леса перестойными и предназначенными к вырубке во избежание болезней леса и пожаров. Остальные мероприятия, касающиеся сохранения биоразнообразия, они приветствовали. Среди представителей местного сообщества большинство информантов высоко оценивали природоохранные мероприятия и считали их полезными, и лишь 11 из 101 не проявили интереса, мотивируя это тем, что означенные леса находились далеко от места их проживания. Среди прочего сертификация FSC добилась выполнения требований по защите от разливов горюче-смазочных материалов, что требовалось ранее и российским законодательством, но никогда не выполнялось на практике.

Социальные аспекты

И в Швеции и в Финляндии лесные и оленеводческие хозяйства находятся в северных районах. В Швеции, согласно закону от 1979 г., требовалось проведение процедуры консультирования между лесными компаниями и оленеводческими хозяйствами. В результате сертификации FSC эта практика была распространена на все оленеводческие районы, что в потенциале могло оказать сильное влияние на локальности. По национальному законодательству Швеции, оленеводство является традиционным правом саамского меньшинства. Согласно финскому законодательству, в Финляндии существовали очень небольшие требования к такому консультированию, и сертификация PEFC также предъявляла очень ограниченные требования к консультациям в период исследования. В Финляндии, в отличие от Швеции, права на оленеводство имеет любой финский гражданин, и только на крайнем севере это право ограничено и предоставляется только саамам. Это привело к гораздо меньшему вниманию к соблюдению прав

коренных народов в соответствии с требованиями сертификации в зоне проведения исследования на юге Лапландии, где уже не действует закон о предоставлении прав исключительно саамам (Keskitalo 2008).

В результате задачи соблюдения прав коренных народов, требуемого сертификацией, касались прежде всего Швеции, где социальные требования стандартов FSC уделяли главное внимание коренным народам и оленеводству. При этом информанты выражали мнение, что сертификация оказывает недостаточное внимание поддержке местной экономики региона: «Она больше сфокусирована на коренных народах, когда речь заходит о социальных ценностях <...> (но) социальные ценности состоят также и в том, чтобы вы могли продолжать жить на ваших землях и могли иметь доход от ваших лесов, ведь есть также лесопромышленники и водители, и всех их так много, что вместе они могут содержать и магазин в деревне, и так далее <...> это тоже социальные ценности. Если вы будете сохранять большинство лесов, экономика деревни замрет и деревня обезлюдет <...> Это грозит многим из наших мест»*.

В исследовании взаимоотношений лесозаготовителей с оленеводами на сертифицированных по системе FSC территориях только 13 из 32 информантов-представителей оленеводческих компаний были настроены положительно в отношении сертификации FSC. Это происходило во многом из-за того, что стандарты FSC подразумевали, что теперь сами оленеводческие компании могли потребовать консультирования с ними. Вследствие этого «лесные компании перестали интересоваться у оленеводческих фирм об их традиционных правах выпаса оленей на землях, принадлежащих (лесной) компании»**. Недовольство было вызвано тем, что механизм консультаций, углубленный FSC, так же как и шведский закон, по мнению информантов, должен был бы учитывать «основные» требования оленеводов. Что именно подразумевалось под «основными» требованиями, не излагалось адекватно. В результате, по мнению этих оленеводов, процесс сертификации «не означает, что мы можем больше, чем раньше, влиять на планирование лесозаготовительной компании. Нам очень трудно добиться хоть какого-то выполнения наших требований»***. Таким образом, 11 из 32 президентов центров оленеводства придерживаются мнения, что сертификация FSC не оказала какого-либо большего воздействия на процесс консультирования, так как она не дала возможности остановить или отсрочить сплошные рубки в районах, имеющих для оленеводов особую значи-

* Интервью с менеджером лесов, принадлежащих местному сообществу, Швеция.

** Интервью с представителем оленеводческой фирмы саамов, Швеция.

*** Интервью с представителем оленеводческой фирмы саамов, Швеция.

мость*. Информанты из лесных компаний, напротив, высказывали почти единодушно мнение о том, что сертификация FSC предоставила новые возможности для участия оленеводческих компаний в процессе планирования лесопользования, и вследствие сертификации «...стало больше консультаций. Благодаря сертификации FSC они более сфокусированы <...> и мы теперь не всегда можем делать то, чего нам хотелось бы, и использовать те методы, которые хотели бы использовать»**.

В европейской части России социальные требования реализовывались в основном в двух областях — в выделении из рубок мест социальной значимости и организации консультирования с местным населением по вопросам лесопользования. Сертификация позволила местным сообществам совместно с компанией обсуждать выделение из рубок лесов особой социальной значимости. Это могли быть места, имеющие, к примеру, археологическое значение, культурно-историческое, религиозное, или места сбора грибов и ягод. Ранее для сохранения таких лесов механизмов не было. В Карелии опрошенные шесть представителей местной администрации и 25 представителей местных сообществ из 31*** высоко оценили то, что важные места, где находились археологические памятники и исторические места сражений, были выделены из рубок. В Коми на консультациях местное население обращало особое внимание на выделение из рубок охотничьих угодий и мест сбора не древесных ресурсов, и там были установлены специальные режимы рубок для того, чтобы не мешать сбору ягод, грибов и охоте. В Архангельске представители рыболовецких колхозов, расположенных на Белом море за пределами аренды компаний, получили возможность участвовать в консультировании и поставить вопрос о выделении тех лесов, где они традиционно занимались охотой, и водоохраных участков вокруг нерестовых рек. На момент написания работы консультации были проведены, но ответные действия компании еще не были известны. Все интервью участники консультации оценили возможность консультирования с компанией как очень важную.

По стандартам FSC местному населению, проживающему вблизи арендных территорий, должны быть доступны лесные ресурсы (дрова, пиломатериалы, строительные материалы). В исследованных регионах это правило сертификации выполнялось по-разному. В Коми, где держателем сертификата был лесхоз, местному населению были выделены делянки, где они сами могли заниматься заготовкой, либо нанимать для этого подряд-

* Сплошные рубки предполагают дальнейшую скарификацию почвы, вследствие которой уничтожается ягель, что делает эти площади непригодными для оленеводства.

** Интервью с представителем лесной компании, Швеция.

*** Остальные шесть человек не участвовали в процессе консультирования.

чиков. Так как на этой сертифицированной территории находится много арендаторов, в том числе мелких, там было много желающих заниматься такой работой и выступить подрядчиком для снабжения населения дровами и пиломатериалами. В Архангельской области и Карелии дело обстояло по-другому, так как все леса были в аренде у крупного холдинга. Здесь велась сортиментная заготовка на современных харвестерах и форвардерах, холдинг не имел складов вблизи деревень, и древесина шла напрямую на комбинаты, минуя населенные пункты. Заготовка дров и пиломатериалов для населения была для компаний убыточным делом. Компании все же занимались этим во исполнение стандартов сертификации и основного требования, высказываемого на консультациях с населением. Несмотря на это, 16 из 31 информантов в Карелии и 17 из 28 в Архангельской области высказывали недовольство либо ценой на дрова, либо условиями доставки, либо и тем и другим. Однако следует отметить, что если бы сертификация не содержала такого требования, местное население вообще не имело бы доступа к дровам.

Для исполнения сертификационных стандартов некоторые лесозаготовительные компании также используют творческие подходы, к примеру, предоставляя местному населению малые гранты на инициативы, каким-либо образом поддерживающие сертификацию FSC. Например, оказывается поддержка фестивалям или музеям. Больше всего грантов выдавалось в Прилузском лесхозе в Коми, однако это во многом объясняется тем, что здесь использовалось внешнее финансирование от Швейцарского агентства по развитию. Поддержка местных инициатив способствовала тут тому, что появилась группа активистов, организовавших Лесной совет для активного взаимодействия лесхоза с местным населением. В Карелии малые гранты выдавались компанией на возрождение карельских традиций и другие проекты. Кроме таких добровольных программ малых грантов компания может также наложить на себя некоторые социальные обязательства, закрепив их в контракте на аренду лесных территорий. Так, в соответствии с оставшейся со времен социализма российской традицией поддержки инфраструктуры лесной компанией, контракты на аренду могут также содержать пункты о поддержке компанией местной инфраструктуры. Такие меры помогают лесным компаниям распространять информацию о сертификации, добиться более высокой посещаемости ее общественных мероприятий, которые требуется проводить в соответствии со стандартами FSC.

В число требований сертификации также входят процедуры предупреждения и разрешения конфликтов, как внутри местных сообществ, так и с рабочими. Компании предоставляют населению публичные отчеты, краткие результаты аудитов, обсуждают в сообществах планы рубок (ранее такие мероприятия проводились только в отношении государственных структур). На всех консультациях составляются протоколы, и существуют

процедуры для разрешения споров и досудебного разбирательства, к примеру, при повреждении инфраструктуры поселка (дорог, заборов или другого имущества). В этих случаях повреждение должно быть устранено или выплачена компенсация. Среди наших информантов наибольшую удовлетворенность процессом консультирования высказывали представители местных администраций. Из представителей местного сообщества 70 из 101 говорили о том, что консультации приносят пользу и их важно проводить. При этом, однако, они говорили скорее о важности самого проведения консультаций, чем о конкретных результатах обсуждения, которые были бы видны на практике.

Права рабочих, безопасность и охрана труда также расширились благодаря сертификации. Стандарты FSC требуют наличия качественной спецодежды и оборудования, медицинских аптечек для каждого работника, а также качественного противопожарного оборудования. Хотя подобные стандарты давно входили в требования российского законодательства, они не реализовывались на деле. Благодаря сертификации данные нормы стали выполняться, правда, компаниям с большим трудом удается ломать устоявшиеся стереотипы поведения и вводить свои новшества. Все информанты подтверждали, что им выдали необходимое оборудование, но высказывали неудовольствие тем, что от них требуют носить спецодежду, так как это непривычно для них, и кажется им неудобным.

Как показало исследование, сертификация оказала довольно ощутимое воздействие на социальную ситуацию на местах и на стимулирование низкой демократии в России. Учитывая, что после перестройки социальная сфера в России очень пострадала, требования сертификации в этой области благоприятно сказались на ней. Однако, некоторые информанты, помнящие высокий уровень социальных мероприятий советского времени, считают, что сертификация может сделать даже больше: «Сертификация должна обеспечить людей работой, обеспечить выплату заработной платы и так далее <...> мы должны (быть уверены) <...> что <...> есть постоянная работа (которую мы можем получить там где живем)*». Принимая во внимание структуру населения в регионах, где проходило исследование, вопросы с коренными народами здесь не стояли так остро, как в других кейсах.

Выводы: лесная сертификация как международная норма и ее применение на местном уровне

Данная работа показала, что лесная сертификация по большей части продвигается экологическими НПО и во всех трех кейсах государственные

* Интервью с жителем села Паданы, Республика Карелия, Россия.

структуры декларируют поддержку сертификации. Однако на деле реальная поддержка государством оказывается только в Финляндии, потому что в системе PEFC государство вовлечено в сам процесс сертификации. В Швеции и России такой поддержки нет, так как система сертификации FSC — негосударственная.

Благодаря сертификации во всех трех странах в той или иной степени удалось институционализировать новые нормы в области экологизации лесопользования и социальных прав. В Финляндии и Швеции нормы в области социальных прав в основном распространялись на права коренных народов. Содержание и глубина институционализации новых норм при этом зависела от системы сертификации и от структуры собственников на леса и покупателей. Даже в тех случаях, когда лесные компании и мелкие лесовладельцы были против экологических требований, нормы, касающиеся экологии и прав коренных народов, успешно применялись. Сертификация PEFC, конкурируя с FSC, также вынуждена была разрабатывать свои собственные меры для решения этих вопросов (McNichols 1999). Для крупных компаний сертификация выполняла важную функцию сигнала об их экологической и социальной ответственности, защищая их от риска бойкотов.

Распространение более «мягкой» сертификационной системы PEFC в Финляндии и отчасти в Швеции объяснялось тем, что задачи малого лесного бизнеса вступали в некоторое противоречие с более строгими требованиями сертификация FSC в отношении экологических прав и социальных прав коренных народов. Результатом было то, что в данной среде легитимность систем сертификации, продвигаемых НПО, была ограничена. Легитимность схемы PEFC для малого лесного бизнеса вытекала из того, что она была разработана и принадлежала мелким собственникам леса, в среде которых часто считалось, что экологические НПО не легитимны и стоят на других позициях, нежели позиции малого лесного бизнеса. Такое отношение дало наиболее заметные результаты в Финляндии, где существует очень большой процент малого бизнеса и сравнительно небольшая доля лесов принадлежит крупным компаниям.

Широкое распространение системы FSC не означает того, что все участники лесных отношений принимают ее и довольны ею. К примеру, в Северной Швеции, где леса сертифицированы преимущественно по системе FSC, экологические нормы и нормы о правах коренных народов не совсем принимаются лесными компаниями. Как показывает исследование, многие местные оленеводы также высказывают сомнения в достаточной эффективности применения этих норм для защиты их прав. И первое, и второе может ограничить поддержку сертификации в локальностях. Сложность взаимодействия акторов на разных уровнях приводят к тому, что трудно оценить влияние лесной сертификации на адаптивные возмож-

ности акторов. В общем и целом сертификацию, независимо от ее системы, можно рассматривать как дающую всем акторам различные преимущества: к примеру, экологические НПО получают дополнительные меры охраны окружающей среды, а лесной бизнес получает возможность сигнализировать о своей экологической и социальной ответственности, и другие преимущества.

На национальном уровне сертификация сыграла особенно значительную роль в поддержке правоприменения в тех областях, где такая поддержка требовалась из-за того, что существующие законы и нормы не реализовывались (как в случае с российским социальным и экологическим законодательством), а также создала дополнительный механизм для выполнения задач защиты окружающей среды. Учитывая особенности ситуации в России, сертификация может поддержать адаптивные возможности в локальностях через создание механизмов вовлечения в процесс принятия решений, касающихся лесопользования, и их корректировки. Что касается граждан, проживающих в локальностях, лесовладельцев и оленеводов, особенно в Швеции и Финляндии, воздействие на их адаптивные возможности очень различаются от случая к случаю. Хотя лесная сертификация является требованием покупателей на экологически и социально чувствительных рынках, сами акторы в лесном секторе могут воспринимать требования сертификации как вызывающие конфликты. Акторы также могут не распознавать в сертификации своих (производственно ориентированных) ценностей, а потому поддерживать альтернативные стандарты, такие как PEFC. С точки зрения оленеводческих хозяйств, в Швеции, лесная сертификация является очень ограниченным средством улучшения их положения, так как не дает им возможности влиять на решения, касающиеся лесопользования.

Литература

Тулаева С. Трансформация корпоративной социальной ответственности лесного бизнеса под влиянием глобальных практик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 4. С. 112–126.

Тулаева С. Внедрение глобальных негосударственных институтов регулирования в российском лесном секторе (на примере лесной сертификации Сегежского ЦБК в Карелии) // Роль гражданского общества в стимулировании корпоративной социальной ответственности в лесном секторе России / Под ред. М. Тысячнюк. МОНФ, 2008б. С. 104–125.

Тысячнюк М. Адаптация бизнеса транснациональных корпораций к российскому контексту на примере компании Стора Энсо // Экономическая социология. 2008. № 9(4). С. 56–72.

Тысячнюк М., Тулаева С. Трансформация корпоративной социальной ответственности крупного бизнеса под влиянием глобальных практик // Социальная политика и социология. 2008. № 4(20). С. 104–116.

Тысянчук М., Тулаева С., Кулясов И. Сценарии экологической модернизации целлюлозно-бумажных комбинатов // Социс. 2008. № 9. С. 68–78.

Boström M. Skogen märks — Hur svensk skogscertifiering kom till och dess konsekvenser // SCORE (Stockholms centrum fr forskning om offentlig sektor) Rapportserie. Stockholm, 2002. Vol. 3

Cashore B., Egan E., Auld G., Newsom D. Revising Theories of Nonstate Market-Driven (NSMD) Governance: Lessons from the Finnish Forest Certification Experience // Global Environmental Politics. 2007. Vol. 7. N 1. P. 1–44.

Cotell A.P., Davis J.W. Understanding the domestic impact of international norms: a research agenda // International Studies Review. 2000. Vol. 2. N 1. P. 65–87.

Duffield J.S. What are international institutions? Draft presented at ISA. New Orleans. 24–27 March 2002.

Eberlein B., Newman A.L. Escaping the International Governance Dilemma? Incorporated Transgovernmental Networks in the European Union // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2008. Vol. 21. N. 1, January. P. 25–52.

Elliott C., Schlaepfer R. The advocacy coalition framework: application to the policy process for the development of forest certification in Sweden // Journal of European Public Policy. 2001. Vol. 8. N 4, August. P. 642–661.

FFCS 1001:2003, Alternative Implementation Levels of the Finnish Forest Certification System. This document is an unofficial translation (3 February 2004) of the original Finnish standard FFCS 1001:2003 text.

Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52. N 4. P. 887–917.

Greenpeace. Certifying extinction? An assessment of the revised standards of the Finnish forest certification system. 2004

Greenpeace Nordic. The Finnish Nature League. Anything goes? Report on PEFC Certified Finnish Forestry. 2001. [online] URL: <http://www.pefcwatch.org>

Gulbrandsen L.H. Overlapping Public and Private Governance: Can Forest Certification Fill the Gaps in the Global Forest Regime? // Global Environmental Politics. 2004. Vol. 4. N 2, May.

Gulbrandsen L.H. Sustainable Forestry in Sweden: The Effect of Competition Among Private Certification Schemes // The Journal of Environment & Development. 2005. Vol. 14. N 3, September. P. 338–355.

Gulbrandsen L.H. Creating markets for eco-labelling: are consumers insignificant? // International Journal of Consumer Studies. 2006. Vol. 30. N 5, September. P. 477–489.

Gunningham N., Rees J. Industry Self-Regulation: An Institutional Perspective // Law and Policy. 1997. Vol. 19 (October). P. 363–414.

Gurowitz A. Mobilizing International Norms: Domestic Actors, Immigrants, and the Japanese State // World Politics. 1999. Vol. 51. N 3. P. 413–445.

Keskitalo E.C.H. Climate Change and Globalization in the Arctic. An Integrated Approach to Vulnerability Assessment. London: Earthscan, 2008.

Lindström T., Hansen E., Juslin H. Forest Certification: The View from Europe's NIPFs // Journal of Forestry. 1999. Vol. 97. P. 25–30.

Marsh C., Payne D.P. The Globalization of Human Rights and the Socialization of Human Rights Norms // Brigham Young University Law Review. 2007. N. 3. P. 665–688.

Кескитало К., Сандстром К., Тысячнюк М., Йоханссон Й.

McNichol J. Contesting Governance in the Global Marketplace: A Sociological Assessment of British Efforts to Build New Markets for NGO-Certified Sustainable Wood Products. Draft article. 1999.

Ochoa C. Advancing the language of human rights in a global economic order: An analysis of a discourse // *Boston College Third World Law Journal*. 2003. Vol. 23. N 1. P. 57–114.

Overdevest C., Rickenbach M.G. Forest certification and institutional governance: An empirical study of forest stewardship council certificate holders in the United States // *Forest Policy and Economics*. 2006. Vol. 9. P. 93–102.

Owari T., Juslin H., Rummukainen A., Yoshimura T. Strategies, functions and benefits of forest certification in wood products marketing: Perspectives of Finnish suppliers // *Forest Policy and Economics*. 2006. Vol. 9. P. 380–391.

Rantala T., Primmer E. Value positions based on forest policy stakeholders' rhetoric in Finland // *Environmental Science & Policy*. 2003. Vol. 6. P. 205–216.

Smit B., Wandel J. Adaptation, adaptive capacity and vulnerability // *Global Environmental Change*. 2006. Vol. 16. P. 282–292.

Tarrow S. International Institutions and Contentious Politics: Does Internationalization Make Agents Freer — or Weaker? Presented to the Panel on «Coping with World Transitions» American Sociological Association Annual Meeting, Chicago Illinois, August 6, 1999.

Tikkanen J., Leskinen L., Leskinen P. Forestry Organization Network in Northern Finland // *Scandinavian Journal of Forest Research*. 2003. Vol. 18. N 6. P. 547–559.

Tarrow S. International Institutions and Contentious Politics: Does Internationalization Make Agents Freer — or Weaker? Presented to the Panel on «Coping with World Transitions» American Sociological Association Annual Meeting, Chicago Illinois, August 6, 1999.

Wood P. Soft Law, Hard Law and the Development of an International Forest Convention. 2004.

Tysiachniouk M. Conflict as a form of governance: the market campaign to save the Karelian Forests // *Nyst n-Haarala (eds). The changing governance of renewable natural resources in Northwest Russia*. London: Ashgate, 2009. P. 169–196.

Tysiachniouk M. Forest Certification in Russia // *B. Cashore, F. Gale, E. Meidinger, D. Newsom (eds.). Confronting Sustainability: Forest Certification in Developing and Transitioning Countries*. New Haven: Yale School of Forestry and Environmental Studies, 2006. P. 261–295.

Tysiachniouk M., Reisman J. Co-managing the Taiga: Russian Forests and the Challenge of International Environmentalism // *Lehtinen A.A., Donner-Amnell J., Sæther B.* Politics of forests — Northern Forest-industrial Regimes in the Age of Globalization. Aldershot: Ashgate, 2004.

Tysiachniouk M., Reisman J. Market of Values Across the Border: Forest Practices on Certified Territories in Northwestern Russia // *A. Rosenholm, S. Autio-Sarasmo (eds.). Understanding Russian Nature: Representations, Values and Concepts*. Alexanteri Papers, 2005. Vol. 4. P. 147–176.